

За несколько дней до летних каникул я решил забыть о пари и жить жизнью обычного старшеклассника. Это задание было достаточно простым. Мне нужно было лишь имитировать поведение людей, которые обычно смотрели на меня с отвращением, хотя часть меня всё ещё хотела чего-то добиться. В языке, который сильно отличается от вашего родного, вы явственнее осознаёте его структуру. Примерно поэтому же я знал множество их неписаных правил даже лучше, чем правила, которые действуют в моих кругах. Я стал чаще проводить время с Чигусой, Нагахорой и его друзьями. Я влился в класс в кратчайшие сроки. Спортивный турнир сразу перед началом каникул явственно дал мне понять, насколько сильно изменилась моя жизнь. Когда я заполнял форму участия, то не был уверен, не попаду ли после него в больницу снова, поэтому записался в качестве запасного игрока в команду по софтболю.

Возможность сыграть выпала мне сразу в первой игре. Когда я вышел на поле в качестве пинч хиттера, болельщики внезапно повеселели. Я заглядывался, пытаюсь понять, что случилось, пока не осознал, что их возгласы направлены в мою сторону. Некоторые волейболистки, которые довольно быстро продули свою игру, особенно оживились и, во что с трудом верилось, хором выкрикивали моё имя. Из-за этого свою первую подачу я провалил. Подбадривать стали только громче. За второй подачей последовал страйк, и стало поспокойней. Максимально сосредоточившись в страйк-зоне, я принял третью подачу серединой биты и отправил мяч в полёт по голубому небу. Однажды в средней школе я прикинулся больным и ушёл с уроков пораньше прямо в городской бейсбольный центр, где делал ставки с моими "друзьями" на тех и на этих. Но я по-прежнему думаю иногда, что получил там опыт, который единожды в своей жизни применил. Неторопливо приближаясь ко второй базе, я обернулся, чтобы глянуть на толпу. Я не впервые делал длинный удар, но шум был такой, будто я набрал решающие очки. Даже девчонки, с которыми я прежде не разговаривал, махали мне и кричали моё имя. После этого даже я со всеми своими волнениями должен был признать, что, кажется, Ёсукэ Фукамачи приняли в этом классе.

Увы, несмотря на все свои усилия, класс 1-3 проиграл во всех соревнованиях во втором раунде, и не принимал участия в церемонии закрытия. Половина из нас пошла смотреть на игру других классов, пока остальные оставались в кабинете, смакуя атмосферой фестиваля и весело болтая. Я вёл бессвязную беседу с Нагахорой, но вскоре, подталкивая друг друга, пришли те девушки, что поддерживали меня в течение игры, и осыпали меня вопросами всех вкусов и расцветок: «Где ты живёшь?», «У тебя есть братья или сёстры?», «Почему ты три месяца пролежал в больнице?», «Ты не отстал по программе?», «В каком ты клубе?», «У тебя есть девушка?» – и так далее. Я не был уверен, как ответить на каждый, и попытался найти помощь у Нагахоры, но тот сказал мне: «Они спрашивают тебя, Фукамачи!» Когда они ушли, Чигуса, всё это время стоявшая чуть в отдалении, подошла и села рядом со мной, а затем стала задавать те же вопросы, что и девушки ранее. Она вынудила меня повторить прошлые ответы один за одним. Когда же она ушла со своего места, Нагахора спросил её: «На что ты надеялась, Мисс Минагисы?» – и Чигуса дала ему немного невразумительный ответ: «Кто знает. Может, я просто хотела проверить, получу ли те же ответы, если спрошу то же самое». Как-то так я нагнал всех после моего трёхмесячного больничного. Я пообещал Чигусе составить ей компанию на репетиции летнего фестиваля и решил с Нагахорой и его друзьями сходить на пляж. Я будто бы планировал чужие каникулы. Хаджикано в школе так и не появилась, и её место наискосок от меня продолжало пустовать, но я насильно гнал из головы мысли о ней. К счастью, Касай меня больше к себе не вызывал, и я больше не получал звонков из телефона-автомата. 18-го июля прошла церемония закрытия, и летние каникулы начались взаправду. Я буквально пылал. На этих каникулах я сделал всё, что должен был. Трудно было назвать происходящее идеальным, но оно по-прежнему оставалось моим главным достижением. Естественно, часть меня насмеялась над столь резким переверотом. Я забыл о том, кто я, забыл о том, как мало могу, забыл, что весомых изменений в своей жизни не видел лет с 14-ти – то, что я забыл обо всём этом, когда исчезло моё родимое пятно, наводило на мысль, что внешность – это на самом деле всё для людей. Но в зависимости от

вашей точки зрения вы можете также решить, что мои усердные занятия в больнице незаметно улучшали меня или что мне просто подходят люди, которых я встретил в старшей школе. Я же думаю, что даже если моя родинка вернётся, ещё можно будет остановиться прежде, чем моя жизнь обернётся трагедией.

□

В первые два дня каникул я воспользовался возможностью побыть некоторое время наедине с собой. Для музыканта время, когда он слушает музыку, и время, когда он занят чем-то другим, примерно равнозначны; для меня же время, проведённое в одиночестве, так же важно, как и время, проведённое в компании, если не важнее. Я решил, что за эти два дня я должен взрастить в себе стремление к другим людям. Рано утром я сел на поезд без особой цели; я просто смотрел в окно, наблюдая, как окружающий пейзаж проносится мимо меня. С каждой остановкой пассажиров становилось всё меньше, а тон разговоров, что долетали до моих ушей, становился всё более серьёзным. В конце концов, остались только я и двое старичков, разговаривающих о чём-то, что мне было совершенно неинтересно. Когда и они вышли на следующей станции, я последовал за ними. Я взглянул на знак с названием станции и обнаружил, что оказался на горячих источниках. Выбор был огромный, и я решил посетить самый маленький и дешёвый. В вестибюле рядом с небольшой витриной одиноко стоял выключенный автомат-кран с игрушками. В крошечном открытом бассейне никого не было, и я смог расслабиться хотя бы на час. Птицы, цикады, вода, небо и облака – не было ничего лишнего. Два дня пролетели в одно мгновение. На следующий день – один из тех, которых я ждал больше всего – я собирался пойти с Нагахорой на пляж поплавать. Я с давних пор практически ежедневно хожу на море, но никогда мне и в голову не приходило наведаться туда с друзьями. Через неделю состоится репетиция летнего фестиваля. Между этими двумя событиями ничего не планировалось, но для меня они были важнее трёх прошлых летних каникул вместе взятых. Это лето достаточно увлекало меня. Когда ночью зазвонил мой домашний телефон, в голову пришло лицо Чигусы. После церемонии закрытия, когда мы расходились, Чигуса прошептала мне на ухо кое-какие цифры. Это был её домашний номер.

«Никогда не знаешь, когда планы могут вдруг измениться, поэтому...» Поэтому она спросила и мой номер. И теперь я надеялся, что она всё же позвонит мне. Но когда я услышал в трубке голос той женщины, меня будто тупым предметом по голове огрели. Такой поворот событий для прежнего меня был в принципе невообразим. Я старался защитить себя от любых нападков, сколь неожиданными бы они ни были, но умиротворяющее спокойствие минувших недель слишком изнежило меня. «Прости за беспокойство, – произнесла она таким чистым голосом, что можно было подумать, будто это звонок с телефонной станции, если бы я не знал наверняка. – Ты расстроен, что это не звонок от твоей одноклассницы?»

«Нет, я понимал, что рано или поздно вы позвоните», – соврал я. «Если так, – хихикнула она, – то как продвигаются дела? С Хаджикано всё хорошо?» «Вы спрашиваете об этом, хотя и знаете всё о сложившейся ситуации, верно?» «Хотелось бы узнать, как всё это видишь ты». Я только крепче сжал трубку. «Так же, как и вы. У меня нет ни единой чёртовой возможности понравиться Хаджикано. Теперь и моя тупенькая головка до этого допёрла. Вы предложили мне пари, изначально осознавая, что я не имею шансов на успех».

«Как жестоко. Я только хотела, чтобы всё было справедливо». «Оправдывайтесь как угодно. Но я не отступлю. Может, это и бесполезно, но я не хочу просто так признавать поражение. Я буду держаться до конца». «Да, знаю. До конца спора ты можешь делать всё, что тебе угодно, – её голос не выражал никаких признаков обиды. – Получить прекрасные воспоминания, пока можешь – действительно хороший выбор». Что-то в этой фразе меня насторожило. Прежде чем я смог определить, какая именно часть показалась мне странной, она опередила мои мысли: «Кстати... Мне ужасно жаль, но я забыла объяснить одну вещь».

«Две, – поправил я её. – Вы забыли много о чём. Серьёзно, и это вы зовёте справедливым?»
Женщина спокойно продолжила: «Касаемо стартового взноса». «Взноса?»

«Представь, будто это покер, – предложила она. – Я уже сказала, что ты получишь, если выиграешь. Однако я пока не касалась того, что ты потеряешь, если проиграешь. Я убрала твою родинку не просто так. Можно сказать, что я поставила "ставку". И, честно говоря, я уже забрала у тебя твой взнос участника». «Не суть важно, – помотал я головой, – что вы забрали?» «Твою душу. Один маленький кусочек». Я несколько секунд не мог осознать смысл её ответа. Мою душу? Женщина продолжила, накидывая в кучу ещё больше несуразностей: «Если выражаться яснее, я взяла только стартовый взнос отдельно от доли, что я могу получить. В настоящее время частички твоей души содержатся в некоем сосуде. Тем не менее, если ты проиграешь, я заберу всё себе». «И что тогда произойдёт?» «Ты знаком с "Русалочкой" Андерсена, так?» «С "Русалочкой"…» Спрашивать, что я получу в качестве наказания, не было нужды. Я родился в городе, тесно связанном с русалками, поэтому в одно мгновение понял, какую цель она преследует. Русалочка обрела человеческую форму, но не смогла выйти замуж за принца. И в конце... Она превратилась в пену и исчезла. «Желаю удачи». Звонок прервался так же внезапно, как и всегда. И теперь я осознал, в каком положении нахожусь. Тогда-то и сменились мои приоритеты.

Буду честен. Узнав о том, что мне придётся вновь столкнуться с проблемой Хаджикано, я сперва подумал: «Ну замечательно – я тут пытаюсь сблизиться с Чигусой и с Нагахорой, и тут это!» Да, с этого момента я начал считать Хаджикано, свою первоначальную цель, обузой. Короче, я не хотел никогда больше беспокоиться по поводу неё. Откровенно говоря, мне хватило. Что насчёт моей симпатии к ней? Возможно, кто-нибудь, кто был добр ко мне, занял бы её место. В конце концов, разве меня не пленяет Чигуса Огиэ? И если у меня нашлось время бесперебойно пытаться поговорить с Хаджикано, разве не лучше ли было провести его с Нагахорой и его компанией? ...Чтобы хоть как-то самооправдаться, стоит сказать, что человек, который впервые в жизни сделал мне поблажку, просто выбросил меня, заставив забыть о действительно важном. Думать так было ошибкой, столь же глупо, как отрезать руку, чтобы избавиться от боли в пальце. На самом деле, первопричиной моего стремления стать лучше было желание стать тем, кого Хаджикано сочтёт за равного. Но в какой-то момент мелкие задачи стали целью. Я потерял из виду самое главное. Пока я бродил в растерянности, ноги привели меня к дому Хаджикано. Да, я действительно хотел укрепить свою связь с Нагахорой и остальными. Но это мне ничего не даст, если я умру. У меня не было выбора. Другого способа спастись, кроме как завоевав любовь Хаджикано, не существовало.

Было 8 вечера. Когда я уже пересёк мост, по путям проехал состав из двух вагонов. Когда поезд ушёл, ненадолго повисла тишина, но когда мои уши к ней привыкли, стрёкот насекомых начал помаленьку возвращаться. У меня не было плана, хоть сколько-нибудь похожего на план. То, что кто-либо сможет сдвинуть теперешнюю Хаджикано с мёртвой точки, казалось мне невозможным. Она сама себя заперла. Спряталась в своём мире, оборвала все связи. Отчаялась настолько, что готова была затянуть петлю на шее. Что кто-то вроде меня может сказать кому-то вроде неё? Да даже не так было важно, что будет сказано, а то, кто скажет. Потому что именно Хаджикано успокаивала меня в начальных классах словами: «Я считаю, что твоя родинка замечательная, Фукамачи». Если бы это сказал кто-то другой, это звучало бы как дешёвое утешение. То, что это произнесла Хаджикано, которой не нужно было выслуживаться или кого-то ублажать, придавало искренности тем словам. Она позволила мне поверить, что в этом мире есть хотя бы один человек, который не осуждает моё родимое пятно.

Смогу ли я сделать нечто подобное? Ну скажу я, что её родинка замечательная. Но сомневаюсь, что достигну хоть какого-то результата. И прежде всего: разве я действительно считаю её родинку таковой? То, что, когда я увидел её лицо в лунном свете, меня заставило содрогнуться ощущение запятнанного прекрасного, неоспоримо. Что важнее, разве не был я вне себя от радости, осознав, что моё собственное родимое пятно исчезло? Я наконец смог вести полноценную жизнь, как только оно сошло... Разве могу я сказать что-то хорошее о точно

таким же на лице Хаджикано? На меня давило со всех сторон. Пойти домой к Хаджикано означало согласиться со смертным приговором. Даже если я смогу встретиться с ней, я только утвержусь в том, как сильно она меня ненавидит. Мои воспоминания и так запятнаны, я разочарован, а это лишь напомнит о том, что девочки, которую я обожал, больше нет. Ноги наливались тяжестью, и шаги с каждым разом становились всё короче. Тем не менее через некоторое время, как бы долго я ни плёлся, я в конце концов дошёл. Стоя у входной двери дома Хаджикано, я нажал кнопку звонка с мыслью о том, какое же это безрассудство. Если ответят её родители, что мне сказать им? И если они через дверную цепочку скажут мне больше не приходить сюда, что мне следует сделать? На этот случай у меня в голове не было никакой стратегии. Думаю, только смириться. Но за дверью появилась сестра Хаджикано, Ая. «А, это ты, – вспомнила она меня. – Зачем ты пришёл сюда в такой час?» «Я снова собираюсь поговорить с Юи». «Разве я не велела тебе больше её не беспокоить?» «Мисс Ая, – не растрачивая время, я сразу обратился к своему козырю, – вы знаете, что Юи единожды уже пыталась совершить суицид?» Выражение её лица не изменилось, но на деле как раз это и отразило её беспокойство. Немного обдумав мои слова, она агрессивно ответила: «Да, знаю. И что с того?» Держа руки за спиной, она закрыла дверь, залезла в правый карман, затем проверила левый и достала мятую пачку сигарет. Она закурила; дым имел резкий запах перечной мяты. «Если честно, мне плевать, что она не ходит в школу или пытается убить себя. Раз не хочет идти, пусть не ходит. Раз хочет сдохнуть, пусть умирает». «...Значит, вы не воспринимаете это серьёзно?» «Нет, вполне воспринимаю, я тебе скажу. Ёсуке Фукамачи, так? У тебя были братья или сёстры, которые во всём преуспевали?» «Нет», – покачал я головой. «Когда твоя сестра во всём лучше тебя, откровенно говоря, хочется удушиться. Я тысячи раз слышала, как люди говорят за моей спиной: "Почему старшая такая посредственная, когда младшенькая – просто прелесть?", "Сёстры? Ха, да вы же совсем непохожи!" – насмехались они. Это не такая редкость. Все родственники вили перед ней хвостом, не обращая на меня внимания. ...Но время шло, и меня перестало заботить чужое мнение. Теперь я вполне могу сказать, мол, думайте, как хотите». Посмотрев вдаль, Ая выпустила облако дыма. «К тому же, по сравнению с жизнью моей сестры, моя просто зашла в тупик. Пока я невероятными стараниями склоняла в свою сторону одного человека, она успевала завоевать десятерых. Только я подумаю, что какой-то симпатичный парень решил заговорить со мной, тут же слышу: "Познакомь меня со своей сестрой". Я задницу рвала, чтобы поступить в старшую школу, которую она рассматривала в качестве запасного варианта. Как тебе такое? Даже если она это не со зла, разве не естественно желать, чтобы она вдруг исчезла?» «...Но пусть так, – удалось мне перебить её, – разве вам и правда будет всё равно, если ваша собственная сестра убьёт себя?» «Именно так. Не сомневаюсь, что почувствую облегчение, – ответила она, ничуть не колеблясь. – Такие дела. Прости, тебе пришлось преодолеть весь этот путь, но не мог бы ты уйти?» Затушив сигарету, Ая молча повернулась ко мне спиной и направилась к двери, но затем обернулась и спросила: «Что важнее, что ты вообще можешь? В прошлый раз ты ничего не сделал. Ты просто запутал её ещё сильнее и ушёл. Если после этого ты не сдался, то у тебя, возможно, есть особый план, а?» Заметив, что отвечать я не собираюсь, Ая фыркнула и захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

Опершись на каменную стену, я взглянул на июльское ночное небо. Несмотря на свет фонарей неподалёку, я смог различить несколько десятков звёзд. Из окон ближайших домов доносилось бурчание телевизоров. Откуда-то пахло готовящимся карри. Я повернулся и взглянул на окна второго этажа. У Хаджикано свет не горел. Возможно, уже уснула... Или, может, наблюдает за небом из своей тёмной комнаты? Последнее кажется более вероятным. У меня не было оснований так думать, но всё же. Силы покинули меня. Я понял, что такими темпами не дойду до дома. И только я закрыл глаза и прислушался к стрёкоту насекомых, на меня накатила приятная усталость. Пока я дремал, перед глазами проносились события недельной давности. Тёмная комната, светлая полоска пробивается из-за двери, Хаджикано гладит мою щёку, её лицо освещает солнечный лучик, она сидит на полу и рыдает, место,

которое она мне оцарапала, кровоточит... На этом месте я остановился и вернулся в своих воспоминаниях на пару секунд. Что-то не давало мне покоя. Обыкновенная мелочь. Будто фальшивая игра одного единственного инструмента в оркестре. То, что можно слёту и не заметить. Я внимательно искал её. Только ли родимое пятно исказило её? Может, выделялось что-то ещё? Сколько раз ты неосознанно вглядывался в её лицо в начальной школе? Сравни те воспоминания с её прежней внешностью – были ли ещё изменения, которые невозможно объяснить взрослением? Когда игра в "найди отличие" наконец закончилась, я почти кричал. У неё под глазом была родинка (1). Я читал много работ по дерматологии, поэтому знал, что появление новых родинок с возрастом – не такая уж и редкость. Но в её случае я не мог просто отмахнуться, сославшись на обычное совпадение. В конце концов, подобная так называемая "плачущая родинка (2)" для нас с Хаджикано имела особое значение. Я вспомнил наш разговор четырёхлетней давности: «Какая отвратительная ссадина», – сказала Хаджикано, глядя на моё разбитое колено. Ссадина без преувеличения выглядела ужасно. В тот раз я поцапался со старшеклассниками, которые смеялись над моей родинкой, и они толкнули меня прямо на землю. «Она не болит?»

«Неа, болит». «Ты не выглядишь так, будто тебе больно». «Выглядел бы, только если от этого она бы быстрее заживала...» Хаджикано присела и уставилась на мою коленку. Она к ней не прикасалась, но мне вдруг стало от этого щекотно, и я сказал ей так не паялься.

Она поднялась и взглянула мне в глаза. «Ёсуке, даже если случается что-то плохое, по твоему лицу это незаметно». «Разве это плохо?» «Определённо не хорошо, – она вытянулась, чтобы погладить моё лицо. – Если уж у тебя есть такая привычка, то тебе будет сложно попросить помощи, когда возникнут трудности». «Это здорово». «Нет же, плохо, – она помотала головой и положила руки мне на плечи. – Давай так! Ёсуке, когда у тебя будут неприятности, но ты будешь чувствовать, что не в силах ни к кому обратиться, ты можешь подать мне знак». «Знак?» Хаджикано достала из пенала фломастер, и, велев мне стоять смирно, поставила у меня под глазом чёрную точку. «Что это?» – спросил я. «Плачущая родинка, – она убрала фломастер обратно. – Когда тебе понадобится помощь, нарисуй родинку у себя под глазом. Если я её увижу, тебе не нужно будет ничего говорить, чтобы я помогла».

«Ясно. Что-то вроде сигнала бедствия», – смущённо улыбнулся я, потирая щёку. В тот раз я счёл это шуткой. Мы больше не затрагивали тему плачущей родинки, и я так никогда и не воспользовался этим знаком. Поэтому это полностью выветрилось из моей головы.

Конечно, может, родинка Хаджикано не была нарисована, и на её месте вскочила настоящая. Возможно, я сильно ошибся, и она не помнит об этой глупости, произнесённой четыре года назад. Но пока всё было замечательно. Даже если это не так, ещё не всё потеряно. Осознанно или нет, она нуждалась в помощи и пыталась показать это знаком, который только я мог понять, используя способ, который мы изобрели, когда были близки. Прямо сейчас я мог спокойно убедить себя в этом. Моё отчаяние испарилось. Я ощутил, что могу ещё немного попытаться. На следующее утро меня растолкала Ая. «Не говори мне, что ты стоял тут ночь напролёт», – поразила она. «Кажется, так». «Ты совсем дурак?»

«Кажется, так». Суставы ныли после сна стоя, но, как ни странно, мне было приятно. Я стоял и потягивался. Прикрыв глаза и прислушавшись, я услышал, как поют птицы и шуршит листьями утренний ветерок. Было где-то часов 6. Воздух ещё не успел наполниться влагой и только ласкал мою кожу тёплыми прикосновениями. «Я ждал вас. Мне кажется, что убедить вас, мисс Ая – самый быстрый способ добраться до Юи». «До сих пор не сдался?» – нахмурилась она. «Так точно. Вы же видите, что Юи нуждается во мне». «Хмпф. Ага, это просто замечательно, – она схватила меня за плечо и легонько оттолкнула в сторону. – Покеда, я кой-куда спешу». «Хорошего дня. Я подожду здесь, пока вы не вернётесь». Ая уставилась на меня, будто намереваясь сказать: «Ну, как знаешь...» – но осознав, что я не отступлюсь, сдержалась. Спустя некоторое время она только смиренно вздохнула. «Моя бессонница до сих пор меня не отпускает, – сказала она, указывая на мешки под глазами. – Почему же, спросишь? Потому что систематически в два часа у задней двери кто-то шуршит.

Видимо, она удирает из дома каждую ночь и куда-то идёт». «В два часа? В два ночи?»

«Да. Не знаю, куда она ходит, и мне не особо хочется дознаваться. Но, может, ты благодаря этому сможешь лучше понять её; возможно, сие знание поможет тебе». Сказав это, она собралась уходить. Я склонил голову. «Огромное спасибо вам, мисс Ая!» «Ты действительно совсем дурак. Ты просто можешь найти себе другую, – она опустила руку мне на голову и потрепала по волосам. – Покеда, Ёччан». Только Ая ушла, и её темно-коричневые волосы всколыхнулись на ветру, я широко зевнул. Нет, даже я не смогу простоять тут до двух часов ночи. Я решил, что лучше будет вернуться домой и нормально поспать. Я направился в сторону дома. На утреннем воздухе я ощутил себя настолько легко, что полностью выпрямился. Мимо меня пробежали дети с болтающимися на шеях календариками. В канавах со стоячей водой плавала тина. По городскому радио транслировались объявления, но, чтобы понять хоть одно слово в общем шипении динамиков, приходилось ломать себе мозг. И так всегда. Даже когда наступит конец света, о нём объявят так же неразборчиво, и никто ни о чём не узнает. Дома в одиночестве завтракала мать. Отец уже ушёл на работу. «Ты где был?» – спросила она меня, и я соврал, что ходил гулять, потому что встал необычно рано. Она, кажется, поверила. Запихав в себя еды ровно столько, сколько не позволит мне грохнуться в обморок от голода, я принял душ, надел сухую одежду и заснул часов на пять. Я проснулся уже за полдень и позвонил Нагахоре. «Знаю, мы собирались пойти на пляж, но у меня появились другие планы, извини. Надеюсь, что вы впятером повеселитесь за меня».

«Обидно, мы так все этого ждали, – внезапно появившиеся у меня проблемы нисколько не раздражали его, и он с готовностью смирился с их возникновением. – Мы не против, если ты припозднишься, так что дай нам знать, если сможешь придти». «Конечно. Прости, что предупредил в последнюю минуту». Я положил трубку, повернулся к столу и начал делать домашку на лето. Даже если впереди начинается маячить смерть, мы не можем избежать своих ежедневных обязанностей, пока не столкнёмся с ней лицом к лицу. Как же это нелогично.

Когда солнце наконец закатилось, я направился в гостиную ужинать, уселся напротив матери и начал есть якисобу (3), в который было столько капусты, что она перебивала любой вкус. По телевизору шёл бейсбольный матч, но мы особенно не болели ни за одну из команд, поэтому, если подающая команда показывала особенно хорошие результаты, мы просто поддерживали отбивающую. «Интересно, чем люди руководствуются, когда выбирают, за какую команду болеть? – спросила вдруг мама, наливая ликёр в чашку. – Они ведь никого из игроков не знают лично». «Обычно болеют за команду своего региона, за любимого игрока или за команду, чью игру увидели первой; иногда за команду, которая играет хорошо или, наоборот, плохо... Думаю, можно перечислять до бесконечности». «Ясно! Как интересно, – мой ответ, кажется, впечатлил её. – Напоминает причины, по которым люди влюбляются друг в друга. Её дом находится по соседству, у неё похожие увлечения, она была первой девочкой, которую ты встретил, она заслуживает доверия или ты просто не можешь представить, что оставишь её одну...» «Не думаю, что "первая девочка, которую встретил" подходит на эту роль». «Да? А я считаю, что вполне, – настаивала она. – Я в том смысле, что в ту же секунду, когда ты её увидел, ты ощутил, что она единственная, кого ты в своей жизни когда-либо встречал. И в тебя будто молния ударила: кровь закипает, сердце начинает биться так быстро, будто оно и не твоё, в горле пересыхает... Тогда-то и понимаешь, что это любовь».

«Не об этом ты должна говорить, хлебная алкашка из чайной чашки», – ухмыльнулся я.

«А разве в такой ситуации это не звучит более убедительно? По крайней мере, я сказала это искренне, в отличие от всяких мечтательных старшекласниц в модных кафешках». Я поужинал, помыл посуду, и у меня всё ещё оставалось пять часов. Я вернулся в комнату, сделал зарядку, завёл будильник на 12, выключил свет и заснул крепким сном. И вот, время пришло. Чтобы стать менее заметным при преследовании, я надел чёрную рубашку и тёмные джинсы и покрепче завязал шнурки своих самых удобных кроссовок. Чтобы замаскироваться ещё лучше, я отыскал очки в чёрной оправе. Линзы оказались такими грязными, что мне пришлось долго их оттирать. Я купил их в средней школе в надежде скрыть свою родинку, но,

став их носить, понял, что просчитался. Сине-чёрное пятно на лице сливалось с оправой, и создавалось впечатление, что оно только расплывается; и лишь я осознал это, очки тут же направились в ящик стола на постоянное хранение. К счастью, моё зрение с тех пор не сильно изменилось, потому линзы мне всё ещё подходили. До дома Хаджикано я добрался меньше чем за двадцать минут. У каменной стены вокруг её дома имелись не только главные ворота с южной стороны, а ещё и небольшая калитка на востоке, через которую Хаджикано предположительно и проходила. Я отважился спрятаться внутри, за воротами. Там на меня не светили бы фонари, да и спрятаться в кустах казалось неплохой идеей. Время шло медленно. Ночь выдалась ужасно влажной, и, даже сидя в тени, я умудрился вспотеть. К тому же, пока я ждал Хаджикано, комары меня чуть не съели. Только на ногах красовалось более десяти укусов. В заключение стоит упомянуть сверчков, которые назойливо трещали под ухом. Мало приятного, но отодвинуться я не мог – только здесь Хаджикано не могла меня увидеть, выходя через заднюю дверь. Я не знал, когда именно она покажется, поэтому закурить определённо не мог. Я жалел, что не использовал спрей от насекомых. Как и сказала Ая, Хаджикано появилась около двух часов ночи. Она беззвучно открыла дверь и вышла, чем-то напоминая мне лунатика. На ней была льняная майка вроде той, что я видел ранее, юбочка и с виду неудобные для ходьбы сандалии. Направляясь летней ночью куда-то далеко, никто так одеваться не будет. Её цель должна быть где-то рядом. Следовать за ней было просто. Люди, если уверены, что их незачем преследовать, не проверяют, идёт ли кто за ними, и идут спокойно. Прятаться необязательно: нужно лишь держаться на определённой дистанции и не топтать слишком громко. Когда я наконец догадался, куда она направляется, меня не отпускало ощущение судьбоносности всего этого. Миновав рисовые поля и несколько туннелей, она сошла с дороги и начала спускаться по склону вниз, к лесу. Любой нормальный человек на этом моменте занервничал бы, но мне этот маршрут был немного знаком. За деревьями шла дорога, которую давным-давно забросили. Если идти прямо по тропе, выстланной опавшей листвой вперемешку с грязью, то вскоре наткнётесь на перекинутый через реку красный мостик. Но мало кто осмелится назвать эту конструкцию мостом. За ним никто не ухаживал, и, естественно, он заржавел, а добрая половина досок вообще сгнила. От него остался только металлический каркас сантиметров 15 шириной да перила, которые находились в таком состоянии, что могли в любой момент просто развалиться. Хаджикано спокойно перешла мост. Впереди находилось место, куда она стремилась. Развалины с красной комнатой, о которых я однажды рассказал Нагахоре и его друзьям. Вообще, это здание называлось гостиницей Масукава. Хотя в настоящее время она разрушена и поросла плющом, раньше она была довольно популярна, но её закрыли после того, как один из постояльцев закурил в постели, вызвав пожар, в котором погибло немало народу – так гласит легенда, которую каждый школьник в Минагисе слышал хотя бы единожды. Но то всего лишь сплетни скупающей школоты, на деле же владелец гостиницы просто внезапно исчез, когда прибыль пошла на спад. Какое-то время она выступала в качестве притона местных хулиганов, поэтому все окна давным-давно разбиты, пол завален мусором, а стены изрисованы граффити. Но поскольку здание уже довольно старое, пол начинал проседать, а потолки – обваливаться, поэтому даже хулиганы сюда больше не наведываются. Хаджикано проскользнула в гостиницу, имея при себе один лишь фонарик. Без сомнения, она привыкла сюда захаживать. Здание с последнего моего визита значительно потрепалось: с коридорами всё было нормально, но в комнатах на полу зияли дыры. Она направилась прямо к лестнице, поднялась на второй, на третий этаж. Проход на лестницу выше был перетянут цепью с прикреплённой на неё табличкой: "Посторонним вход воспрещён". Хаджикано переступила её и направилась дальше. В отличие от номеров с подгнившей мебелью, шелушащимися потолками, кроватями и коврами, которые выглядели совершенно непригодными для дальнейшего использования, крыша осталась такой, какой была во время работы гостиницы. Если Хаджикано не собиралась отсюда прыгать, то именно здесь её путь и оканчивался. Посреди крыши стоял стул. Довольно знакомый стул с

подлокотниками. Скорее всего, кто-то принёс его из "красной комнаты". Хаджикано села на него, сложила руки на подлокотники, вытянула ноги и расслабилась. Это её особенное место. Подобная сцена выглядела странно, но в то же время вызывала чувство ностальгии. Девочка в пижаме сидит на единственном пригодном для этого стуле посреди мрачной крыши и смотрит на звёзды. Это казалось столь неестественным, но этим и притягивало. Из-за отсутствия логики в этой картине создавалось впечатление, будто я нахожусь во сне. Да, именно это я почувствовал бы, окажись я в чьём-то сне. Если не обращать внимания на различного рода опасности, которым подвергаешь себя, это место идеально подходило для того, чтобы смотреть на звёзды. Не мешают ни деревья, ни линии электропередач, ни внезапные всполохи света. Когда вслед за ней я взглянул наверх, мне открылись сотни звёзд. Я ведь не так далеко отошёл от жилых кварталов – так почему тут совершенно иной вид? Может, прогулка в крошечной темноте помогла моим глазам разглядеть те бледные огоньки, что ранее я не замечал? Я наблюдал за Хаджикано из-за колонны. Она сидела и не двигалась. За это время я мог бы скурить порядка пяти сигарет. Тогда я услышал песню. Сначала она звучала зажато. Голос был тих и слаб, но постепенно становился громче и ярче. В печальной мелодии звучала теплота. Русалочья песнь. В Минагисе не было человека, который не знал бы её. Я вслушивался в пение Хаджикано. Её чистый голос звучал в унисон шуму деревьев и стрёкоту насекомых, растворяясь в горячем летнем воздухе. Я сохраняю эту ночь в тайне, подумалось мне. Да, я обязан был как минимум сообщить Ае, куда всё время уходит её сестра и что там делает, но я не хотел сдавать её. Здорово, что я единственный храню столь обворожительный секрет. По истечении часа со своего появления на крыше Хаджикано медленно поднялась. Я не следовал за ней. Я был убеждён, что она пойдёт прямо домой, никуда не сворачивая. Только-только она ушла, оставив меня в одиночестве, я сел на её место и взглянул на звёзды. Я ещё мог ощутить её тепло.

Следующей ночью и далее Хаджикано выходила из дома примерно в то же самое время и шла смотреть на звёзды. Днём же я обходил развалины, чтобы удостовериться, что она не поранится: топал на гнилых половицах, делая дыры в полу более заметными, и сметал щепки и осколки стекла там, где она обычно ходила. По комнатам было разбросано множество всяких разных вещей: бутылки с оставшимися ещё на доньшке напитками, битая посуда, рваные занавески, грязные матрасы, сломанные вентиляторы, телевизоры с разбитыми экранами, верёвки, которые неведомо для чего использовались, груды журналов для взрослых и сломанные зонтики. Я ожидал увидеть здесь рассадник крыс и тараканов, но к собственному удивлению не встретил хотя бы паука. Возможно, даже тараканы побаиваются этого места.

Тогда я ещё не знал об этом, но лето 1994-го года было очень важным для астрономов. В 1993-ем году в Паломарской обсерватории в округе Сан-Диего штата Калифорния 24-го марта трое исследователей: Юджин Шумейкер, его жена Кэролин и Дэвид Леви – обнаружили вытянутую комету в районе созвездия Девы. Она получила название "Шумейкеров-Леви 9" (ШЛ-9). Выяснилось, что в 1960-х она попала под влияние гравитации Юпитера, после чего в 1992-м распалась на цепь из порядка двадцати фрагментов. С 16-го по 22-е июля 1994-го года комета врезалась в южное полушарие Юпитера. После этого ещё несколько месяцев, имея даже слабый телескоп, можно было увидеть пятна на его поверхности. Это событие стало историческим в области астрономии и было освещено в газетах и на ТВ, но нас с Хаджикано новости не интересовали, поэтому мы даже не подозревали об этом. Но появление этой кометы не ограничилось одной только радостью для астрономов-любителей. Столкновение ШЛ-9 с Юпитером доказало, что ранее рассматривавшееся предположение о том, что комета может врезаться и в Землю, имеет место быть. После этого множество специалистов начали наблюдение за объектами, сближающимися с Землёй, тем самым лишив любителей возможности первыми открыть какую-нибудь комету. Предположим, что Хаджикано знала, какое великое событие происходит среди звёзд, на которые она смотрела. ...Хотя, я всё ещё сомневаюсь в этом. Она не показывала особенного интереса к астрономии, наблюдениям и фотографии. Ей просто нравилось смотреть на небо и рассеянно любоваться звёздами, чьих

имён она даже не знала. На следующую ночь она снова сидела на крыше разрушенной гостиницы и смотрела на них, слушала их голоса. Я наблюдал за ней из тени. Я понимал, что это не повернёт ситуацию в мою пользу, и предчувствие приближающегося дня окончания пари становилось всё сильнее, но я просто не мог заставить себя заговорить с ней. Я бы ни за что не посмел лишить её этой тайной радости. А летние каникулы тем временем день за днём утекали в никуда.

Примечания:

(1) Здесь следует различать родимое пятно и обычную родинку. Здесь родимое пятно – это дефект кожи, а родинка – очень маленькое пигментное образование (см. обложку). (2) "Плачущая родинка" – родинка на щеке под глазом. В гаданиях означает проблемы со счастьем и возможные сильные страдания. (3) Якисоба – жареная гречишная лапша.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/189566>